

ОТ ТЕОРИИ – К ПРАКТИКЕ: ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В МИРОВОЗЗРЕНИИ БОЛЬШЕВИЗМА К 1917 ГОДУ

1917 год. Стояла вторая половина июля, он выдался как никогда жарким — и в буквальном, климатическом смысле, и в политическом. В Петрограде воцарилось послевкусие острейшего политического кризиса, известного в истории Великой российской революции под именем «июльский кризис», из которого Временное правительство вышло тактическим победителем. Новый состав правительства возглавил бывший тогда на пике своей яркой, хотя и весьма скоротечной, популярности военный и морской министр Александр Керенский, чей властно-силовой ресурс с каждым днем таял, как сугроб в весеннюю оттепель, уверенно сменяемую летним зноем. Большевики, выставленные главными виновниками событий 3–5 июля¹, оказались в центре ожесточенной общественной травли и были вновь загнаны в подполье, как будто бы и не было ни февральской революции, ни провозглашенного ею «царства свободы».

Вожди большевистской партии, Владимир Ильич Ленин и Григорий Евсеевич Зиновьев, будучи персонально и несправедливо обвиненными в шпионаже в пользу Германии, вынуждены были уйти в подполье. Поскольку Центральный Комитет РСДРП (б) постановил переправить Ленина и Зиновьева из Петрограда в Финляндию, для них следовало организовать переход границы, пролежавшей сравнительно недалеко от столицы. Для выполнения этой задачи партия привлекла рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Емельянова, который на некоторое время спрятал вождей сперва на чердаке своего сарая близ станции «Разлив», а затем перевез на лодке через одноименное озеро на другой его берег. Там был подготовлен шалаш из сена, ставший важнейшим элементом конспиративной легенды. Теперь Ленин и Зиновьев должны были изображать из себя финских косарей, нанятых Емельяновым, в ожидании, когда последний вместе с товарищами подготовит необходимые документы и коридор для перехода границы.

Григорий Зиновьев вспоминал: «Усталый и измученный работой и передрыгами, Владимир Ильич первые пару дней прямо наслаждался неволь-

¹ Антиправительственные выступления (в том числе и вооруженные) в Петрограде с трагически известным массовым расстрелом толпы на углу Садовой и Невского проспекта 4 июля 1917 года.

ным отдыхом. Насколько позволяли конспиративные соображения, он делал прогулки, ходил купаться на [озеро] Разлив, лежал на солнышке, беседовал с Н. А. Емельяновым, которого с первых же дней оценил как человека выдающегося ума, замечательного хладнокровия и настоящей большевистской закалки². Вынужденный отдых, однако, был вскоре совмещен с плодотворной теоретической работой. Когда Ленин находился в Швейцарии, нейтральной стране, окруженной воюющими друг с другом государствами — участниками Антанты и Четверного союза³, он, работая в Цюрихской библиотеке, выписывал в особую тетрадку под синей обложкой цитаты из разрозненных трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сегодня это не кажется такой уж сложной задачей, но в ту пору полноценного собрания сочинений классиков марксизма еще не существовало (не считая четырехтомного издания, подготовленного социал-демократом Францем Мерингом), так что для Ленина этот самодельный справочник был чрезвычайно ценен.

Владимир Ильич узнал о революции в России как и все швейцарские обыватели — из газеты. Он спешно засобирился на Родину. Тетрадь с цитатами Маркса и Энгельса была отправлена почтой в Стокгольм, но там затерялась. По возвращении в Петроград, еще в первые дни своего подполья, пребывая на квартире будущего тестя Иосифа Виссарионовича Сталина Сергея Аллилуева, Владимир Ильич написал своему соратнику Льву Каменеву, жившему совсем неподалеку: «если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: “Марксизм о государстве” (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок»⁴.

Тем не менее хлопотать об издании рукописи Льву Борисовичу не пришлось: обстоятельства изменились. «Через некоторое время Владимир Ильич вытребовал в шалаш тетрадку своей незаконченной рукописи “Государство и революция” и здесь, лежа на животе или сидя на корточках,

² Зиновьев Г. Е. Ленин и июльские дни (К десятилетию июльских дней) // Пролетарская революция. — 1927. — № 8–9 (67–68). — С. 67.

³ Военно-политический блок, противостоящий Антанте в Первой мировой войне. Страны-члены — Германская и Австро-Венгерская империи (основатели), а также Османская империя и Болгарское царство. Иное название: «Центральные державы». — *Примеч. ред.*

⁴ Ленин В. И. Записка Л. Б. Каменеву // Полн. собр. соч. — Т. 49. — М.: Политиздат, 1970. — С. 444.

работал над этой рукописью»⁵. Чтобы облегчить Ленину работу, Емельянов организовал ему знаменитый «зеленый кабинет». Николай Александрович вспоминал: «Я выбрал самый большой куст, вырубил внутри него небольшую площадку, поставив два пня — один повыше — “стол”, второй пониже — “стул”, обложил кругом ветками и Владимир Ильич спокойно, с первых же дней стал заниматься — писать свой гениальный труд “Государство и революция”. Владимир Ильич очень рано вставал, умывался, и шел в этот куст, или, как он его в шутку называл, “мой зеленый кабинет” — работать»⁶.

Читатель, взявшийся искать в небольшом трактате, впоследствии названном советскими учеными «программным произведением творческого марксизма», мысли Ленина о положении женщины, потерпит неудачу. Хотя точки подполья вождя в дальнейшем менялись, он продолжал работу над «Государством и революцией» и по переезду в Финляндию: в Ял kale, Гельсингфорсе и Выборге. Но после получения известия о падении Риги под натиском германских войск, Владимир Ильич отвлекся от революционной теории, углубившись в практику. Водоворот дальнейших событий не позволил ему вернуться к рукописи. В итоге она была издана в незаконченном виде в начале 1918 года. Автор снабдил издание послесловием, в котором заметил, что закончить работу ему «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный “Опыту русских революций 1905 и 1917 годов”), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать»⁷.

Именно «проделыванию “опыта революции”» Владимиром Лениным, его соратниками и наследниками в сфере женского вопроса посвящена книга Венди Зевы Голдман, которую держит перед собой читатель. Имя американской исследовательницы ему, возможно, уже хорошо знакомо: достаточно отметить, что в серии «История сталинизма» на русском языке были опубликованы две ее работы⁸. Однако, в научной биографии автора

⁵ Зиновьев Г. Е. Указ. соч. — С. 69.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 601. Л. 74.

⁷ Ленин В. И. Послесловие // Полн. собр. соч. — Т. 33. — М.: Политиздат, 1969. — С. 120.

⁸ См.: Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. — М.: РОССПЭН, 2010; Голдман В. З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. — М.: РОССПЭН, 2010.

ее первая монография *Women, the State and Revolution* занимает особое место: именно этой работой Голдман заслужила себе репутацию одного из ведущих американских специалистов по советской истории. Кроме того, эта книга, увидевшая свет в 1993 году⁹, была удостоена книжной премии на конференции в Беркшире. Наконец, в этой работе был впервые намечен контур области научных интересов молодой, но подающей надежды исследовательницы, бывшей в ту пору ассистент-профессором (что в координатах отечественной системы научных должностей приблизительно приравнивается к доценту) Департамента истории Университета Карнеги Меллон. Пожалуй, в библиографии работ Венди Голдман ее первая монография отличается наиболее широко поставленной проблемой: здесь она исследует формирование большевистского взгляда на положение женщины и бытие семьи в будущем социальном строе, а также реализацию этих положений на практике в ходе политики, проводимой коммунистами в первые два десятилетия существования Советской власти.

Подобно тому как Ленин с начала июля по конец октября 1917 года стремительно перешел от теории к практике, выстроена и структура монографии Голдман. Пришедшие к власти в октябре 1917 года большевики вполне справедливо изображаются в ней как носители определенной политической доктрины, в рамках которой уже были сформулированы конкретные рецепты решения женского вопроса. По мере воплощения на практике своих представлений о семье и женщинах, большевики постепенно сдавали теоретические позиции, отказываясь от отдельных постулатов первоначальной доктрины. Саму доктрину автор формулирует вполне корректно, чего нельзя сказать об этапах ее формирования: в этом вопросе требуется внести некоторые уточнения.

В первую очередь следует подчеркнуть, что современные исследователи феминистского движения отдельно выделяют его марксистское направление. Как справедливо отметила Ирина Юкина, «марксистский феминизм строится на соединении идей гендерного и классового неравенств институтом частной собственности» и «восходит к работам социалистов-утопистов Ш. Фурье и Р. Оуэна, к работе Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” (1884) и А. Бебеля “Женщина и социализм” (1879)»¹⁰. Кроме того, в рамках марк-

⁹ Goldman, Wendy Z. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Live, 1917–1936*. Cambridge University Press, 1993.

¹⁰ Юкина И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — С. 369.

систского феминизма принято выделять, сообразно самому марксизму, «ортодоксальное» направление, выразительницы которого (например, Клара Цеткин и Роза Люксембург) буквально у всех на слуху, и «ревизионистское», представительниц которого вспоминают крайне редко, даже когда говорят о социалистическом женском движении. К числу последних можно отнести Эмму Адлер и Лили Браун (Амалию фон Кречман). Главная книга последней *Die Frauenfrage* (в русском переводе: «Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона», 1904) была высоко оценена Августом Бебелем¹¹.

Венди Голдман в первой главе своей работы, изучая истоки большевистского видения, анализирует и идейные истоки феминизма. Но будем честны: чтобы понять место женщины в большевистской системе ценностей, вряд ли стоит говорить о проявлениях феминизма в доиндустриальную эпоху. Прежде чем приступить к анализу условного незаконченного на бумаге, но воплощенного на практике второго выпуска брошюры Ленина «Государство и революция», следует вспомнить, какие тексты сформировали русского марксиста, большевика, ярчайшим примером которого выступает сам Ленин. Именно распространение книг и рецепция изложенных в них идей творцами советской гендерной политики, а не формирование этих идей, как пишет Голдман, сыграли важнейшую роль в становлении практики решения женского вопроса в Советском государстве. В этой связи, как представляется, остановиться на этой рецепции следует поподробнее.

В истории марксистского феминизма можно выделить три основных этапа. На первом, теоретическом этапе начало которому положила работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845), происходит формирование представлений марксистов о сущности женского вопроса. Второй этап начинается в 1875 году и длится по 1891-й, когда женский вопрос обретает прикладное значение и становится предметом внутрипартийных дискуссий. На третьем этапе, с 1891 по 1917 год, женский вопрос и пути его решения становятся положением программных документов социал-демократических партий и, наконец, с 1917 года, после завоевания российскими социал-демократами-большевиками власти, наступает *этап масштабной политической практики*.

Российские социал-демократы в своих представлениях нередко органично совмещали как отечественные революционные традиции, так

¹¹ Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и экономическая сторона. М.: Изд-е Д. П. Ефимова, 1902. 433 с.

и марксистские постулаты, временами весьма причудливо истолковываемые в национальных секциях (партиях) Второго интернационала. Пожалуй, марксистские корни постановки женского вопроса и полагание, как его разрешить в будущем обществе, следует искать не столько в работах Роберта Оуэна, хотя он и признавался лучшим экономистом среди всех социалистов-утопистов, а, прежде всего, в трудах французских философов: Анри де Сен-Симона и Шарля Фурье. Именно влияние идей этих мыслителей испытали на себе непосредственно как русская, так и марксистская революционная традиция, касаясь вопроса о положении женщины в цивилизованном обществе.

Так, Сен-Симон и его ученики одним из главных пороков христианства видели угнетение женщины и на признании равноправности полов выстраивали всю систему нового христианства. В свою очередь, Фурье, включенный Энгельсом в почетную триаду великих утопистов — основателей социализма, пришел к выводу, что «расширение прав женщины есть общий принцип всякого социального прогресса»¹². Этот фурьеристский принцип наряду с начертанными Фурье картинками будущего справедливого общества, его недвусмысленный взгляд на равноправие женщины и роль семьи в жизни нового общества легли в основу построений не только Карла Маркса и Фридриха Энгельса, но и также и Николая Чернышевского и Августа Бебеля — а ведь труды именно этих мыслителей сформировали парадигму представлений российских социал-демократов не только об организации будущего общества, но и их взгляд на женский вопрос.

Как считается, идеи Шарля Фурье проникли в Россию еще в 1840-е годы, и их наиболее яркими распространителями были М. В. Буташевич-Петрашевский и члены его кружка (петрашевцы). В их среде активно читали журнал наследников Фурье *La Phalange*, в котором печатались сочинения, не изданные при жизни великого утописта. Этот журнал попал в руки молодого Николая Чернышевского, в трудах которого фурьеристские представления о будущем обществе нашли заметное отражение¹³, в том числе в контексте женского вопроса. Не случайно один из ключевых теоретиков анархизма П. А. Кропоткин называл Николая Гавриловича «дитя фурье-

¹² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 19. — М.: Политиздат, 1961. — С. 196–197, 569.

¹³ Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье // Современный мир. — 1909. — № 11. — С. 161–162.

ризма и сен-симонизма»¹⁴, подчеркивая при этом воспитательное значение публицистики Чернышевского: «он проповедовал в прикровенной форме, но вполне понятно для читателей — фурьеризм, изображая в привлекательном виде коммунистические ассоциации производителей»¹⁵.

Особенно важно в этом отношении отметить знаменитый роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», в главе четвертой которого («Четвертый сон Веры Павловны») ¹⁶ прямо описывается фаланстер ¹⁷ Фурье. Георгий Плеханов, первооснователь русского марксизма, писал в 1890 году: «...автор хотел указать своим последователям на практические задачи социалистов в России. В снах Веры Павловны яркими красками рисуются социалистические идеалы автора. Картина социалистического общежития нарисована им целиком по Фурье. Чернышевский не предлагает читателям ничего нового. Он только знакомит их с теми выводами, к которым давно уже пришла западноевропейская мысль. Здесь опять приходится заметить, что взгляды Фурье уже в сороковых годах известны были в России. За фурьеризм судились и были осуждены «петрашевцы». Но Чернышевский придал идеям Фурье небывалое до тех пор у нас распространение»¹⁸.

О влиянии сочинений Чернышевского на российскую грамотную молодежь во второй половине XIX века вспоминал П. А. Кропоткин, по мнению которого «ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи, и идеи, проповедуемые в ней, не потеряли значения и влияния вплоть до настоящего времени»¹⁹.

Георгий Плеханов закрепил в русской марксистской литературе комплиментарное отношение к Николаю Чернышевскому, к которому питал «благочестивое уважение... как к человеку, так и к литературному деятелю». Вместе с тем, Георгий Валентинович, ставший первым марксистским

¹⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 369.

¹⁵ Кропоткин П. А. Этика: избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 443.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. «Что делать?» // Полн. собр. соч. — Т. 11. — М.: Художественная литература, 1939. — С. 589–590.

¹⁷ В учении Фурье дворец особого типа, являющийся центром жизни фаланги — самодостаточной коммуны из 1600–1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды.

¹⁸ Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский // Сочинения. Т. 5. — М.: Госиздат, [1925]. С. 118.

¹⁹ Кропоткин П. А. Этика: избранные труды. — С. 443.

критиком творчества Чернышевского, отмечал: «мне говорили, что Маркс ставил Чернышевского гораздо выше, нежели ставлю его я»²⁰.

Но вернемся к Владимиру Ильичу, пишущему свой труд «Государство и революция». На Ленина творчество Николая Чернышевского оказало мощное влияние. По заверению его супруги, Надежды Крупской, «Чернышевского Владимир Ильич особенно любил»²¹. «Что делать?» Ленин читал еще подростком. Сохранились воспоминания о том, как Володя Ульянов давал томик товарищам по гимназии и перечитывал роман в 1887 году, после казни брата Александра, также высоко ценившего это произведение. В ту пору Владимир Ульянов, опираясь на роман, раздумывал о путях революционного развития России, определяя свой собственный путь. Оценивая влияние «Что делать?» на свое мировоззрение, Ленин делился в беседах с товарищами: «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь», «он [роман] меня всего глубоко перепыхал»²². Одна из его соратниц, Мария Эссен, вспоминала: «Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. «Вот это настоящая литература, которая учит, вдохновляет. Я роман ‘Что делать?’ перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли, — говорил Ленин»²³.

Попытка изучить русское революционное движение с гендерной позиции принадлежит американской исследовательнице Барбаре А. Энгл, проанализировавшей практику личной жизни революционерок-народниц, испытавших на себе непосредственное влияние идей Чернышевского. По мнению Энгл, стремясь всецело посвятить себя революционной борьбе, эти женщины наложили табу на свою женскую жизнь: отказывались от замужества и материнства, а когда дети все-таки рождались, то отказывались и от них²⁴. В культуру русского революционного движения прочно вошел корпоративный культ женщин-нигилистов, растворивших себя в деле

²⁰ Плеханов Г. В. Указ. соч. — С. 128.

²¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1969. — С. 232.

²² Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» / вступит. ст. Б. Рюрикова // Вопросы литературы. — 1957. — № 8. — С. 128–129.

²³ Эссен М. Встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. — М.: Политиздат, 1956. — С. 292.

²⁴ Энгл Б. А. Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. — СПб., 1999. — С. 9–10.

освобождения народа: Софьи Перовской, Веры Засулич, Екатерины Брешко-Брешковской, Веры Фигнер, Иды Аксельрод и других. После прихода к власти большевиков отдельные фигуры деятельниц российского революционного движения по-прежнему почитались, причем даже на государственном уровне. Например, в Петрограде в 1918 году Малая Конюшенная улица была переименована в честь Софьи Петровской, а перед Московским (Николаевским) вокзалом 29 декабря 1918 года в рамках реализации ленинского плана монументальной пропаганды был установлен бюст знаменитой революционерки работы Орландо Итало Гризелли. Правда, на торжественном открытии работа скульптора-кубофутуриста поразила и даже оскорбила приглашенных. Как вспоминал присутствовавший при этом Анатолий Васильевич Луначарский, «некоторые прямо шарахнулись в сторону, а З. Лилина на самых высоких тонах потребовала, чтобы памятник был немедленно снят»²⁵. Петросовет прислушался к мнению бывшей супруги своего председателя Григория Зиновьева: гипсовый бюст Софьи Перовской демонтировали уже в апреле 1919 года.²⁶ Но несмотря на этот отдельный казус, конечно, советская коммеморативная и символическая политика продолжала почитать революционерок «домарксистского периода» истории революционного движения, и «этос аскезы революционерок повлиял и на развитие моделей семьи, быта, модели женственности, идеальных образов женщин»²⁷.

Для марксисток эпохи Второго интернационала, в свою очередь, оказалось весьма характерно стремление к рефлексии гендерного аспекта истории революционного движения. Так, например, супруга отца-основателя австрийской социал-демократии Виктора Адлера Эмма в 1906 году издала книгу «Знаменитые женщины Великой французской революции», переведенную на русский язык уже в 1907 году и увидевшую свет в двух изданиях: в Одессе и Москве²⁸. Уже упомянутая первая супруга Григория Зиновьева Злата Лилина написала книгу «Безымянные героини», посвященную участию женщин во французском революционном движении²⁹.

²⁵ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. — М.: Советская Россия, 1968. — С. 193.

²⁶ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве, 1920–1930-е годы: социал.-архитектур. микроисторич. иссл. — СПб.: Крига, 2016. — С. 18.

²⁷ Юкина И. Указ. соч. — С. 193.

²⁸ Адлер Э. Знаменитые женщины Великой французской революции. — Одесса: Кн. изд-во «Освобождение Труда», 1906.

²⁹ Лилина З. И. Безымянные героини: (Участие трудящихся женщин в классовой борьбе Франции). — Петербург.: Гос. изд-во, 1921.

Другим каналом, через который взгляды Шарля Фурье повлияли на воззрения социалистов в России на женский вопрос, была, конечно, марксистская традиция, выраженная прежде всего в трудах Фридриха Энгельса и Августа Бебеля. Впервые с классическим трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» русский читатель познакомился еще при жизни классика, в 1894 году, когда в Петербурге вышло первое его издание (кстати, ставшее первым и в русской библиографии Энгельса). В особом примечании к тексту своего знаменитого труда Энгельс даже заметил, что он «сначала собирался привести рядом с моргановской и моей собственной критикой цивилизации блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье», но не нашел на это достаточно времени³⁰. По подсчетам советского философа-марксоведа Георгия Багатурии, в 1894–1910 годах книга выдержала в России десять изданий, что позволяет судить не только о высоком уровне ее востребованности³¹. Поскольку российской читающей публике к концу XIX века эти представления были хорошо знакомы по трудам Чернышевского, то теоретические построения Энгельса, в основе которых лежали новейшие этнологические изыскания, нашли для своего распространения весьма благодатную почву. Таким образом, классическая работа Энгельса основательно вписала фурьеристские представления о судьбе семьи и женщины в старом и новом общественном строе в стройную схему материалистического понимания истории.

Вместе с тем, пока российские революционеры промышляли «кружковщиной», в Германской империи стремительно росла и набирала свое влияние Социал-демократическая партия (СДПГ). Первым человеком, прямо поставившим перед ней вопрос о положении женщины в прошлом, настоящем и будущем был Фердинанд Август Бебель, бывший сооснователем СДПГ, наряду с Вильгельмом Либкнехтом (отцом революционера Карла Либкнехта). Венди Голдман воздает должное его книге «Женщина и социализм», но, рассуждая о ней преимущественно в германском контексте, не оговаривает обстоятельств ее появления. Позволим себе уточнить эти аспекты.

Прежде всего стоит отметить, что Бебелю принадлежит заслуга политической постановки женского вопроса именно в партийно-практическом

³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. — М.: Политиздат, 1961. — С. 177.

³¹ Багатурия Г. А. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 538.

смысле: благодаря автору труда «Женщина и социализм» социалистический взгляд на решение женского вопроса сошел со страниц философских трактатов и нашел свое место в партийной программе. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1871 году Бебель, будучи депутатом Рейхстага Северогерманского союза, выступал в поддержку Парижской коммуны и против войны с Францией, за что стараниями Отто фон Бисмарка оказался за решеткой в крепости Остерштайн (Цвиккау). Дни в заключении Бебель посвящал интенсивному самообразованию, тщательно изучая доктрины социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. Именно воззрения последнего привели Бебеля к мысли написать свою первую партийную работу о положении женщины и начать сбор материалов для будущей книги на эту тему³². Однажды Эдуард Бернштейн, крепко увлекшийся философией популярного и небесталанного философа Евгения Дюринга, передал в тюрьму Бебелю одну из его книг. Бебель, прочитав ее, опубликовал в партийной газете *Volksstaat* статью под заголовком «Новый коммунист», в которой крайне лестно отозвался и о самом Дюринге, и о его учении. В этой статье мы находим такие строки о философе: «Он [Дюринг] только мимоходом рассматривает мечтательный, или мелкобуржуазный социализм, как его проповедовали Сен-Симон, Фурье, Прудон, так как этот социализм нельзя принимать всерьез»³³.

Эта статья Бебеля попала на глаза Энгельсу, и, надо полагать, вызвала крайнее его неудовольствие. Как известно, Маркс и Энгельс в своей переписке выражали симпатию личности Бебеля и возлагали большие надежды на молодого токаря. Когда соратник последнего, Вильгельм Либкнехт, стал настойчиво просить Энгельса дать обстоятельную критику философской системе Дюринга, Энгельс долго сопротивлялся, но, в конце концов, сдался: так в 1878 году появился его знаменитый «Анти-Дюринг». На страницах этого сочинения, ставшего одной из жемчужин марксистской мысли, Энгельс, среди прочего, старательно защищает от нападок Дюринга утопистов, в том числе и Шарля Фурье, называя того «одним из величайших сатириков всех времен»³⁴. В свою очередь, по мнению одного из крупнейших знатоков истории марксизма Давида Рязанова, «книга Энгельса дала новый и сильный толчок к изучению истории социализма. Все работы Каутского,

³² Бебель А. Из моей жизни. М.: Политиздат, 1963. — С. 445–446.

³³ Рязанов Д. К 50-летию «Анти-Дюринга» // Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. — М.; Л.: Госиздат, 1928. — С. VI–VII.

³⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. — М.: Политиздат, 1961. — С. 270.

Бернштейна, Плеханова, Меринга в этой области восходят как в своих темах, так и в общем построении из тех основных тезисов, которые Энгельс наметил в своем экскурсе в области истории социализма»³⁵. Добавим, что Бебель, после появления критики Энгельса пересмотрел свои взгляды и на Дюринга, и на учение утопистов, в том числе и Фурье: не случайно выход из печати работы «Женщина и социализм» состоялся после публикации «Анти-Дюринга».

Первое издание книги, обессмертившей имя Бебеля в международном женском движении, увидело свет в 1879 году и насчитывало всего 180 страниц. В дальнейшем Бебель неоднократно дополнял и перерабатывал текст. В свою очередь, его знакомство с трудами Шарля Фурье привело к двоякому итогу: с одной стороны, в 1886–1887 годах Бебель завершил работу над своей брошюрой о Шарле Фурье³⁶, в которой описал его жизнь и изложил учение с марксистских позиций³⁷, с другой стороны основательно расширил в книге «Женщина и социализм» раздел о будущем социалистическом обществе, в котором можно увидеть явные отсылки к идеям, высказанным великим утопистом.

Идеи Фурье о равноправии обоих полов как главном мериле общественного прогресса чрезвычайно понравились Бебелю, несмотря на его временное увлечение Дюрингом. Будучи прежде всего партийным практиком, Бебель понимал, что эмансипация женщин теснейшим образом связана с реализацией одного из главных политических требований социал-демократии последней четверти XIX — начала XX века — всеобщего избирательного права. Столь масштабное расширение электоральной базы мыслилось Бебелю чрезвычайно перспективным направлением партийной работы. На обсуждении проекта партийной программы в Готе именно Бебель выступил за распространение избирательного права не только на мужчин, но и на женщин, но не встретил поддержки большинства съезда, где преобладали идеи Фердинанда Лассалья³⁸.

Однако Бебель продолжил борьбу за женский вопрос, поставив его в порядок дня партийной практики. В 1876 году в рамках избирательной кампании 1876–1877 по инициативе Бебеля в Лейпциге было созвано первое

³⁵ Рязанов Д. Указ. соч. — С. XXIV.

³⁶ Bebel A. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 2/2. München, New Providence, London, Paris: K. G. Saur Verlag, 1995. S. 421.

³⁷ См.: Бебель А. Шарль Фурье, его жизнь и учение. — СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1906.

³⁸ Коллонтай А. Великий борец за право и свободу женщины // Бебель А. Женщина и социализм. — Петербург: Луч, 1918. — С. X.

в Германии женское политическое собрание, на котором вождь социал-демократов изложил свой взгляд на женский вопрос³⁹ и призвал женщин агитировать своих мужей голосовать за социал-демократов, отстаивающих полное политическое и социальное равноправие обоих полов. «Собрание прошло как нельзя лучше. Это было первое собрание, на котором женщины призывались к политической деятельности во время предвыборной кампании», — впоследствии вспоминал Бебель⁴⁰.

Когда в 1891 году на съезде СДПГ в городе Эрфурте была принята новая программа партии, в соответствии с упомянутыми книгами Ф. Энгельса и А. Бебеля в нее был включен пункт о положении женщины и роли семьи в будущем обществе. Карл Каутский, разъясняя положения Эрфуртской программы, писал, что по мнению социал-демократии, «для каждого особого способа производства существует также и своя особая форма домоводства, которой, в свою очередь, соответствует и своя особая форма семьи. Мы считаем ныне существующую форму семьи не последней ее формой и ожидаем, что новая форма общества разовьет и новую форму семьи»⁴¹. Так женский вопрос впервые был прямо оговорен в программе крупной парламентской партии. Влияние Эрфуртской программы на социал-демократическое движение трудно переоценить: фактически большинство партий, входящих во Второй интернационал, где германская социал-демократия играла роль если не дирижера, то точно первой скрипки, писали собственные программы по образцу Эрфуртской. Вот и Владимир Ильич Ленин, разрабатывая в конце 1899 года проект программы РСДРП, недавно образованной на съезде в Минске, настоятельно предлагал включить в нее отдельным пунктом «установление полного равенства прав женщины с мужчиной»⁴². В свою очередь, программа партии, принятая на II съезде РСДРП в 1903 году, вызвала значительно меньше дискуссий, нежели ее устав, расколовший молодую организацию на две фракции: большевиков и меньшевиков. И в тексте программы мы видим ряд пунктов, касающихся полового равноправия и женского вопроса⁴³.

В 1891–1892 годах «Женщина и социализм» была выпущена в Германии в восьми изданиях. Стремительный рост популярности книги Бебеля

³⁹ Там же. — С. XV.

⁴⁰ Бебель А. Из моей жизни. — С. 551–552.

⁴¹ Каутский К. Эрфуртская программа: коммент. к принципиал. части. — СПб.: Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1907. — С. 46.

⁴² Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. — М.: Политиздат, 1967. — С. 224.

⁴³ Протоколы Второго съезда РСДРП. — Л.: Прибой, 1924. — С. 3–4.

и включение ряда ее положений в партийную программу вынудили противников социал-демократии выступить с резкой критикой. Амбассадором этой кампании стал основатель либеральной Немецкой партии свободомыслящих (*Deutsche Freisinnige Partei, DFP*), депутат рейхстага Евгений Рихтер, выпустивший в начале 1893 года брошюрку «Социал-демократические картинки будущего», представлявшую собой, в сущности, первую ласточку жанра политической антиутопии. Когда в марте 1893 года в рейхстаге вспыхнули жаркие дебаты о «государстве будущего», Рихтер язвительно цитировал фрагменты книги Бебеля, в особенности те, где речь шла о положении женщины в будущем социал-демократическом государстве. «Да почитайте только, коллега, книгу Бебеля! — насмешливо восклицал Рихтер, обращаясь к одному из депутатов-либералов. — Нельзя будет взять прислугу для ухода за детьми и для приготовления обеда, так как работница должна будет работать наравне с мужчиной!.. Там сказано: домашнее хозяйство должно быть сведено до минимума; кухни больше не будет; мы устроим большие центральные заведения для приготовления пищи, большие центральные заведения для собирания и удаления нечистот, большие центральные прачечные: там будет сосредоточена вся соответствующая работа. <...> Отделяя детей от родителей, отдавая их на воспитание государству, ограничивая домашнее хозяйство самым необходимым, вы придете к тем порядкам, которые я нарисовал, то есть к полному уничтожению семьи и домашней жизни, что повлечет за собой катастрофу в социал-демократическом государстве»⁴⁴. Вряд ли почтенный свободомыслящий депутат мог тогда предположить, насколько точно он сможет предугадать в своих экстраполяциях, основанных на строках из книги Бебеля, коммунальные эксперименты советских архитекторов.

В России рост популярности социал-демократических идей и количества соответствующих кружков породил забавный парадокс: о воззрениях Бебеля на устройство будущего общества русский читатель узнал из сатирической брошюры Евгения Рихтера, перевод которой был дозволен цензурой к печати уже 26 июня 1892 года. В специальном предисловии, которым снабдили русское издание, сообщалось, что «крайности социально-демократических воззрений, которые в конечных своих выводах приводят к совершенному отрицанию свободы отдельной личности, представляются очень многим величайшею опасностью нашего времени»⁴⁵. Всего с 1893 по 1917 год книга

⁴⁴ Государство будущего: стенограф. отчет дебатов Герм. рейхстага: Речи: Бахема, Бебеля, Беттихера и др. — СПб.: Изд. Н. Глаголев, [1907]. — С. 81–82.

⁴⁵ Рихтер Е. Социально-демократические картины будущего в Германии. Вольное сатир. подражание Бебелю. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. — С. I.

Рихтера была издана в России семь раз, причем шесть изданий пришлось на Первую русскую революцию 1905–1907 годов, и пять из них вышли в издательстве А. С. Суворина.

Путь критикуемой Рихтером книги Бебеля «Женщина и социализм» был более тернист, поскольку ее легальное издание в России по цензурным соображениям было невозможно. Первый ее перевод на русский язык вышел в Лондоне в 1895 году и был весьма скверного качества⁴⁶. Кроме того, полиграфически книга мало удовлетворяла нуждам подпольного импорта, в частности, была напечатана на плотной бумаге, что затрудняло ее нелегальный провоз в царскую Россию в условном кофре с двойным дном. В 1900 году в Петербурге была сделана попытка легально издать новый перевод труда Бебеля. И тем не менее, значительно более широкое распространение среди охотников до запрещенной литературы получило издание, предпринятое Г. А. Куклиным в Женеве в 1904 году. Для него социал-демократ Владимир Поссе произвел качественный перевод с последнего на тот момент 34-го немецкого издания⁴⁷. Издатель учел и необходимость нелегального транспорта для преодоления административных и цензурных препон, выстроенных самодержавием на пути книги к русскому читателю: толщина 540-страничной книги, напечатанной на тонкой папиросной бумаге, составляла всего 9 мм. Год спустя после ее выхода в России была провозглашена свобода печати, и российский книжный рынок наводнили десятки редакций книги «Женщина и социализм» Бебеля под разными заглавиями и в разных переводах. Кроме того, отдельными изданиями выходили краткие выдержки из книги, пересказы, а также главы «Социализация общества» и «Будущее общество»⁴⁸.

Востребованность и распространенность книги Августа Бебеля в России была весьма заметна уже до Первой русской революции. Бебель был нечастым примером вождя, вышедшего из рабочей среды, и потому привлекал российских пролетариев. Не случайно Михаил Бруснев, организовавший в 1889 году один из первых в России марксистских кружков, вспоминал:

⁴⁶ Бебель А. Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени: Единственное автором разрешенное русское издание. — Лондон, 1895.

⁴⁷ Бебель А. Женщина и социализм / пер. с 34-го нем. изд. под ред. В. А. Поссе. — Женева: Изд. Г. А. Куклин, 1904.

⁴⁸ См. напр.: Бебель А. Социализация общества. — Киев: изд. Е. М. Алексеева, 1905; Бебель А. Социалистическое общество. — Женева: Союз русских социал-демократов, 1902; Бебель А. Будущее общество. — М.: Книгоизд-во Е. Д. Мягкова «Колокол», 1905; Бебель А. Общество будущего. — Петербург: Луч, 1917.

«Бebelь был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей»⁴⁹. Во время жандармских облав на участников рабочих кружков у них нередко находили немецкое издание книги «Женщина и социализм», как это было, например, в Киеве⁵⁰. Будущий большевик и партийный историк Мартын Лядов, занимавшийся социал-демократической кружковой работой в Москве, вспоминал, что в 1893 году «с финансовой целью» он предпринял перевод и издание на гектографе книги Бебеля и «Эрфуртскую программу» с комментариями Каутского. «Отпечатанные книги эти мы распродавали студентам за сравнительно дорогую плату, а некоторые экземпляры за плату давали им читать»⁵¹.

В то время книга Чернышевского мыслящей молодежи уже казалась старомодной. Н. Валентинов вспоминал, как в начале 1904 года, сидя за столиком в одном из женевских кафе с Лениным, Воровским и Гусевым, стал участником разговора о «литературных произведениях, имевших некогда большой успех, а через некоторое, даже короткое, время настолько “отцветавших”, что, кроме скуки и равнодушия, они ничего не встречали». И когда Валентинов, бывший на 10 лет младше Ленина и Воровского, предложил включить в список таких произведений роман Чернышевского «Что делать?», это предложение вызвало резкую отповедь Владимира Ильича, яростно защищавшего своего кумира⁵². И все же, как бы ни хотелось Ленину, его любимого Чернышевского революционно настроенная молодежь читала реже. Зато в моду вошла книга Бебеля, откуда молодые люди продолжали черпать фурьеристские взгляды на положение женщины и роль семьи в будущем обществе. В начале XX века молодые революционеры, как и их предшественники из 1870–1880-х годов, продолжали экспериментировать над своим бытом, создавая коммуны, подобные фаланстеру Фурье, ориентируясь при этом уже не на Чернышевского, а на Бебеля⁵³. Как отмечала Александра Коллонтай, книга Бебеля «показала тот путь, по которому, не

⁴⁹ Бруснев М. И. Возникновение первых социал-демократических организаций // Пролетарская революция. — 1923. — № 2. — С. 20.

⁵⁰ Любаров П. Е. Российское революционное движение и Август Бебель // Вопросы истории. — 1985. — № 2. — С. 34.

⁵¹ Лядов М. Как зародилась московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. — М.: Всесоюз. об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. — С. 65.

⁵² Валентинов Н. Встречи с Лениным. — New York: Chalidze Publications, 1981. — С. 102.

⁵³ См., напр.: Левин Г. И. На путях революции: [Воспоминания 1897–1919 гг.]. — Л.: Прибой, 1930. — С. 52.

вреда классовому делу, и все же служа идее женской эмансипации, может спокойно шествовать рабочий класс»⁵⁴.

Но вернемся в август 1917 года. Продолжающаяся Первая мировая война катализировала процессы, о которых мечтали социал-демократы. Еще совсем недавно вряд ли можно было представить такое, но 5 февраля 1917 года на обложке популярного иллюстрированного журнала «Огонек» была опубликована фотография браковщицы снарядов, работавшей на одном из Петроградских заводов⁵⁵, а через неделю, 23 февраля 1917 года, работницы Торшиловской мануфактуры с Выборгской стороны, выйдя на демонстрацию по случаю Международного дня работниц, инициируют восстание, перешедшее в революцию, снесшую 300-летнюю власть династии Романовых. Обдумывая эти процессы в своем подполье в августе — сентябре 1917 года, создавая свой теоретический труд «Государство и революция», Владимир Ильич еще не представлял, насколько скоро предстоит перейти от теории к практике, в том числе и практике эмансипации женщин, в интересах как самих женщин (прежде всего, конечно, работниц и крестьянок), так и первого в мире государства диктатуры победившего пролетариата.

*Вячеслав Николаевич Самоходкин,
к. и. н., заведующий музеем «Шалаш В. И. Ленина»
СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»*

Примечания

К разделу «Уволены первыми, нанимаются последними: экономическая зависимость женщин» в главе 3 «Закон и жизнь сталкиваются: свободные отношения и население, работающее за зарплату». О Женотделах:

- официальные названия этой партийной структуры: Отдел по работе среди женщин ЦК РКП(б) — в 1919–1923 годах; Отдел по работе среди работниц и крестьянок — в 1923–1930 годах. Наряду с центральным органом имелись подчиненные ему структуры в региональных партийных комитетах, которые также именовались Женотделами. Первое издание Малой Советской Энциклопедии (1930) определяет Женотделы

⁵⁴ Коллонтай А. Указ. соч. — С. IX.

⁵⁵ Огонек. — 1917. — № 6.

как самостоятельные отделы комитетов компартий по пропаганде среди трудящихся женщин коммунистических идей, по вовлечению работниц, батрачек и беднячек-крестьянок в партию, по выдвижению работниц и крестьянок на руководящую работу.

К разделу «Политика левых и правых» в главе 6 «Сексуальная свобода или социальный хаос: дебаты по поводу Кодекса 1926 года». О расколе между Зиновьевым и Каменевым с одной стороны и Сталиным — с другой:

- одним из ключевых вопросов внутрипартийной дискуссии была выдвинутая Н. И. Бухариным на XIV партийной конференции РКП(б) теория «построения социализма в одной стране», вызвавшая резкое неприятие со стороны председателя Исполкома Коммунистического Интернационала (в рамках которого, кстати, с 1920 года существовал Международный женский секретариат) Григория Зиновьева. Упомянутые В. З. Goldman аспекты дискуссии так или иначе упирались в вопрос о стабилизации капиталистического строя в Европе и США и перспективах мировой революции.